

включений в летописи. Здесь я приведу только несколько вероятных новых параллелей к ГВЛ из хронографических текстов. Они относятся к микроцитатам, но, поскольку имеются и пространные точные цитаты из тех же текстов (большинство собрано в работе: [Орлов]), эти дополнительные следы также представляют интерес.

Несколько ведут к Александрии Хронографической. В Ал.2.37¹ проводники из рассказа о дальнем путешествии царя Александра предлагают повернуть назад: «обратимся да не в горышя мѣста вѣпадемъ». В ГВЛ под 1235 г. по Ипатьевскому списку, 778И², читаем близкое по тексту обращение князя к неверным боярам: «да не во горышя впадете». Предполагалось влияние Евангелия, где сопоставления, впрочем, не дают текстуальной точности. См., например, Мк 5: 26 по Апракосу Мстислава л.61г.13 «и ничьсо же не оуспѣвши нѣ паче на горышее пришьдѣши»; Мф 12: 45 л.37г.5 «и будоуть послѣдныя чѣвка того . горыша пѣрваго». Далее в Ал.2.37 пассаж «идяхомъ блудяще . глѣхоу же вожове . яко не вѣмы камо идемъ» напоминает описание похода ГВЛ 1251 г., 812И: «наоутрея же вожемъ не вѣдоушимъ блудящимъ я». Кстати, само слово «вожь» далеко не частотно, и в ПВЛ, и у Флавия, например, используется в ином значении — 'предводитель'. Выше в речах царя Дария из Ал.2.20³ помещено предостережение Александру: «егда како вознесешия великою славою» — аналогично в ГВЛ в описании литовского князя Миндовга 1262 г., 858И: «вознесеся славою и гордостью великою». Может быть, летописец знал также несколько воинских похвал из Александрии, таких как Ал.1.2⁴ «единъ левъ многи елени побѣжаетъ . и единъ волкъ многа стада паствы разлоучаетъ». Этому близка похвальба из ГВЛ 1217 г., 736И: «единъ камень много . горныцевъ избиваетъ».

Имеются дополнительные параллели из Хроники Малалы. В том числе ср. Мал.5.5 «оубѣдиста же . сиречь оумолиста (греч. проετρέψαντο δέ, ἵτοι ἐδυσώτησαν) . сия Отревища цря...» и, видимо, чуть выше «сѣбѣдивъ ша . оумолиста (вм. оубѣдивша? греч. протρεπόμενοι καὶ ἐδυσώτησαν) . Пелея...»⁵ — и ГВЛ 1241 г., 792И «Василко же ехавъ оубѣди и рекше оумоли и»; 1252 г., 816И «и оубѣди и дарми многими . сирь^ч оумоли его» о «Рижском мастере» Андрее. (Примеры ГВЛ 1241 г. и Мал.5.5 вошли в словарь А. А. Срезневского⁶, но в работы А. С. Орлова, А. И. Генсерского и А. А. Пауткина не попали; отмечены в: [Вилкул, 2009, с. 134]).

Множественные заимствования из хронографических текстов в первой «галицкой» части ГВЛ повлияли, по-видимому, даже на язык летописи, который существенно архаизирован по сравнению с «волинской» частью, хотя между ними пролегает не более 30 лет (о разнице в языке обеих частей см., например: [Юрьева]). Это придает дополнительное значение исследованиям в данной области.

Литература

- Вилкул Т. О некоторых источниках литовских известий Галицко-Волинской летописи // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės istorijos šaltiniai. Faktas. Kontekstas. Interpretacija. Vilnius, 2007. S. 17–28.
Вилкул Т. А. Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. М., 2009.
Орлов А. С. К вопросу об Ипатьевской летописи // Известия Отделения русского языка и словесности. Л., 1926. Т. 31. С. 93–126.
Пауткин А. А. Беседы с летописцем. Поэтика раннего русского летописания. М., 2002.
Толочко А. П. Взятие Киева монголами: источники летописного описания // Palaeoslavica. 2014. Т. 22. Ч. 2. Р. 101–118.
Юрьева И. С. Лингвистические параметры стилистических различий между Галицкой и Волинской летописями // Письменность Галицко-Волинского княжества: историко-филологические исследования. Олонец, 2016.

¹ Цит. по: Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 77. Здесь и далее — первая цифра означает книгу, вторая — главу.

² ПСРЛ. М., 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 778. Далее ссылки на источник даются в тексте в таком формате.

³ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. С. 69.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репринтное издание материалов В. М. Истрина. М., 1994. С. 121–122; Ioannis Malalae. Chronographia / Ed. H.-G. Bech, A. Kambylis, R. Keydell. Berolini, Novi Eboraci, 2000. (Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 35). P. 71.

⁶ Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1912. Т. 3. Стб. 1120.

А. Ю. Виноградов (НИУ ВШЭ), свящ. М. Желтов (ОЦАД, МДАиС)

КОНФЛИКТ АСКЕТИЧЕСКИХ ПРАКТИК НА РУСИ В СЕРЕДИНЕ XII В.

XII в. принес с собой частичное переосмысление аскетических практик в византийском мире: усиление требований в вопросах личного благочестия (в том числе дисциплины соблюдения постов и, для мирян, семейной этики), появление новых молитвенных правил и т. п. Ключевую роль в этом сыграло монашество, приобретавшее все большую силу в Церкви и обществе и искавшее новые способы визуализации и распространения своих подвижнических идеалов.

Не осталась в стороне от этих тенденций и Древняя Русь. В ней продолжали господствовать традиции, восходившие к практике студийского монашества IX–XI в., главным проводником которых был Киево-Печерский монастырь. Однако уже во второй четверти XII в. авторитет этих традиций начал ставиться под сомнение, в том числе относительно поста. Так, в своих «Вопрошаниях» Кирик задает епископу Нифонту вопрос о том, следует ли поститься в среду и пятницу, если на них выпадают важные церковные праздники, — и тот, хотя и не отменяет старую практику, уже одобряет новую: запрет на разрешение поста. Более драматичный оборот этот спор приобрел после приезда на Русь в 1156 г. митрополита Константина I, который следовал подчеркнuto строгим аскетическим практикам, как это можно видеть из его завещания, где он предписал не погребать его тела после смерти, но бросить

его на растерзание псам. Такое шокировавшее черниговцев действие находит себе прямой прототип в византийском каноне на «душу судимую» и находится в русле обновленной монашеской духовности XII в.

Ставленники Константина I — Антоний Черниговский и Леон Ростовский — принялись активно распространять вышеописанный запрет на разрешение поста среды и пятницы, невзирая на праздники, даже на князей, что привело к конфликтам и их изгнанию с кафедр. Об остроте возникшего противостояния свидетельствует владимиросудальский летописец, назвавший такой запрет «Леоновой ересью». Тем не менее другой греческий митрополит Руси — Константин II — продолжил следовать линии Константина I и вступил на этой почве в конфликт с Поликарпом, архимандритом самого влиятельного на Руси монастыря: Киево-Печерского (в связи со сказанным нельзя исключать, что смена титула игумена этого монастыря на титул архимандрита была защитной реакцией могощественной обители на действия Константина I и его сторонников).

Начиная с П. Соколова в научной литературе утвердилось мнение, что в описанном противостоянии отражен конфликт двух практик: более мягкой «студийской» и более ригористической, исходящей от константинопольских патриархов, причем только по частному вопросу об отмене поста в определенных случаях. Наше исследование уточняет эту гипотезу: пришедшая на Русь практика строгого поста во всякую среду и пятницу отражает позицию не отдельных патриархов, а целой партии, главными представителями которой были Евергетидский монастырь и следующие его уставу обители. Вопрос о посте для представителей упомянутой партии был одним из ряда пунктов «новой аскетической программы», подразумевавшей переосмысление и развитие практик «личного благочестия», причем не только в среде монахов, но и у мирян (об этом прямо говорит в своем уставе, например, Георгий Пакуриан). Таким образом, Константин I и Константин II вместе со своими ставленниками пытались ввести на Руси постную практику «евергетидского типа», вовлекая ее тем самым в «евергетидскую реформу», как чуть позднее это удалось сделать в Сербии (после введения «евергетидского» устава в Студенице).

В связи с этим следует обратить внимание на то, как представители этой партии оберегали церковные интересы от того, что представлялось им внешним посягательством: действительно, независимость монастыря и его имущества от светских властей является краеугольным камнем уставов «евергетидского типа». Становятся вполне понятны в этом контексте и жесткие меры Константина I по отношению к ставленникам незаконного (с точки зрения греков) митрополита Клим Смолятича, и даже вероятное переосвящение им Св. Софии Киевской, аналогичное тому, что было произведено после ухода другого русского митрополита — Илариона — в 1052 г., равно как и жестокая расправа Константина II над Феодорцем. Устроение канонических прещений видно и в «Ответах» патриарха Луки Хрисоверга, поставившего Константина II и отказавшего Андрею Боголюбскому в отзыве с кафедры Леона Ростовского.

Следует также учесть, что до поставления на Русскую митрополию Константин I был не рядовым монахом, а богословом-интеллектуалом, чья позиция легла в основу решений Константинопольского собора 26 января 1156 г., уточнившего важнейшие положения церковного учения о Евхаристической Жертве. На этом Соборе, чей исход был заранее неизвестен из-за сильного противодействия диаконов Св. Софии (в том числе Сотириха Пантевгена, нареченного патриарха Антиохийского), Константину удалось провести блестящий тактический ход: ссылаясь на факт скорого отъезда на Русь, он получил возможность высказаться первым и немедленно озвучил заранее заготовленный текст, а затем в его пользу сразу же выступил митрополит Эфесский Георгий Торник. Возможно, эта помощь была ответом на поддержку «митрополитом России» Торника, тогда еще диакона Св. Софии, в его конфликте с другими влиятельными константинопольскими клириками во главе с вышеупомянутым Сотирихом Пантевгеном, разгоревшемся из-за погребения патриарха Феодота. Конфликт этот имел место через 6 месяцев после смерти последнего, то есть где-то в 1154 г., скорее всего в патриаршество Неофита, который был как раз выходцем из Евергетидского монастыря. Вероятно, именно он и поставил Константина митрополитом Руси, причем не после взятия Киева Юрием Долгоруким в марте 1155 г., а уже заранее, ввиду неканоничности Клим Смолятича. Константинопольские связи Константина I и особенности поведения на Руси как его самого, так и его преемников проливают свет на его позицию в контексте развития византийской духовности в XII в., что позволяет глубже оценить причины русских церковно-княжеских конфликтов третьей четверти XII в.

В. Г. Вовина (ИИ СПб)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОПИСАНИЯ XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII В. КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ЖИЗНИ ДВОРЦОВОЙ ВОЛОСТИ (по материалам Кургомени)

Кургоминская волость — одна из волостей среднего Поморья (в составе Подвинской четверти Важского уезда). Важский уезд единственный из всего Поморья был почти полностью дворцовым. Исследователи северного крестьянства в основном занимались черносошными крестьянами. На этом материале получена бульшая часть итоговых показателей, когда речь идет о писцовых книгах и переписях, в том числе 1678, 1710 и 1717 г. (П. А. Колесников, Е. Н. Швейковская, О. Б. Кох и др.). Выдающимся исследователем Ваги был Ю. С. Васильев, но и его интересовала, главным образом, другая часть уезда: Поважье, а не Подвинье.

Кургомень в рассматриваемое время — удаленная от уездного центра волость в среднем Подвинье, на противоположном правом берегу Северной Двины. По данным второй половины XVII в., Кургомень была в два и более раз меньше соседних крупных для данной четверти Топецкой и Конецгорской волостей, но больше многих других (в особенности по числу деревень): Березницкой, Пянской, Усть-Ваенской, Тетеревичи Слободки, Осиновской, Шиленской, Корбальской, Прилуцкой и Ваенской и др. Правда, некоторые приближались к Кургоминской волости по числу дворов. На одном уровне с Кургоминской и по числу деревень, и по дворности стояли Ростовская и Троицкая волости. Их можно считать средними по масштабу Подвинской четверти.

Переписные книги составлялись на основе сказок, подаваемых крестьянами. Оригианалов ранних писцовых книг по Важскому уезду не сохранилось, кроме нескольких сотных, среди которых нет материалов по Кургомени. Но

